

16+

Давид Павельев

Завещание Анубиса

Давид Павелъев

Завещание Анубиса

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Павельев Д.

Завещание Анубиса / Д. Павельев — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Кто такой Фома Касатонов - простой врач провинциальной больницы или жрец древнего бога Анубиса? Городской сумасшедший или ловкий аферист, наживающийся на человеческих пороках? Циничный социопат или тонкий психолог, познавший суть природы человека? Как старинные верования переплелись с современными российскими реалиями и почему толпы уже выстроились в очереди на "мумификацию"? Ответы в этой книге.

...Я, Касатонов Фома Никитич, пишу этот текст, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, как-бы смешно это вам сейчас не казалось, в которых я находился всю свою жизнь, опять же как бы смешно вам это не казалось. Возможно, именно то, что я всегда находился в таком состоянии, и побуждает меня писать своё духовное завещание. Я вполне осознаю, какое наследство остаётся моим последователям, и всему человечеству после меня. Я также осознаю, что с моим наследством всем им придётся что-то делать. Я не говорю принимать его, или же отвергать. Это уже личный выбор каждого. Но факт заключается в том, что моё наследство существует, а раз так, то сам факт его существования уже порождает необходимость такого выбора. Я не собираюсь никого склонять к какому-либо решению. Однако, для очистки моей совести я считаю необходимым дать дополнительные материалы по поводу моей биографии, чтобы человек мог проследить истоки моего наследия как в моём сознании, так и вне его, и уже после этого решить, как относится ко мне и моему наследию.

Моё завещание будет построено в форме автобиографии, так что все события моей жизни и возникновение всех моих идей станут известны читающему сей документ в хронологическом порядке, точно также, как они становились известны мне самому. Я не буду забежать вперёд, так как в моём случае это могло бы напрочь всё испортить, а также останавливаться на ненужных деталях, потому что считаю себя деловым человеком, и отклоняться от основного вопроса не в моих правилах.

Итак, приступим. Так как часть жизни я прожил в белом халате, я начну жизнеописание с того момента, как я получил медицинское образование. Я говорю «медицинское образование», потому что не могу целиком и полностью назвать себя врачом. Врач занимал только какую-то часть моей личности. Почему я решил позволить врачу занять эту часть моей личности, я толком объяснить не могу. Я помню только, что желание носить белый халат возникло где-то в детстве, а так моё детство было не очень богато событиями и впечатлениями, я не могу припомнить, что именно подтолкнуло меня к такому желанию. Однако же, на протяжении всего моего детства я не представлял себя в будущем как-либо ещё, кроме как носящим белый халат.

Теперь уже трудно говорить о том, что первично, а что вторично – желание надеть белый халат, или ненасыщенность событиями моего детства. Но моя мечта была довольно сильна, раз заставляла меня отказываться от общения и игр со сверстниками, и проводить большинство времени за учебниками, анатомическими справочниками и прочими учебными пособиями. Сейчас я отмечаю, что всегда был достаточно нелюдим, и изучение книг, часть из которых в жизни мне не пригодилась, освобождало меня от необходимости вести активный образ жизни. Жизнь моих сверстников состояла из постоянных поисков, проб и ошибок. Я понимал, что в функции друга входит поддерживать товарищей в беде и в радости, по возможности предостерегать от разных ошибок, а если они их совершили, то помогать находить выход из разных трудных ситуаций. Но мне они казались обыкновенными искателями приключений, и мне было совершенно не охота помогать им находить выход из положений, в которые они без труда находили вход. К тому же друзья имеют обыкновение просить поддержки как раз в те моменты, когда ты хочешь спокойно посидеть, подумать, побыть наедине с самим собой. А когда ты готов оказать им поддержку, им она, как правило, не нужна.

Когда мне пришло время выбирать специальность, произошёл один из первых ключевых поворотов моей биографии. Когда-то в детстве мне нравились хирурги за их спокойствие и хладнокровие. Они представлялись мне даже не как обычные люди, а как какие-то особенные существа, лишённые обыкновенной человеческой чувствительности и эмоциональности. Мне казалось, что хирург – это особая форма мышления, поведения и восприятия окружающего мира. Когда я познакомлюсь с настоящим хирургом, я пойму, как я ошибаюсь. Но я отказался от мысли стать хирургом ещё до знакомства с ним, поняв, какая ответственность на них лежит.

Я, привыкший к вполне спокойной и безэмоциональной жизни, вдруг понял, какое усилие нужно делать над собой хирургу, чтобы стать таким хладнокровным и спокойным.

Мне не нужно было делать над собой такого усилия, и именно по этой причине я и не смог бы быть хирургом. Именно труд и усилие над собой заставляют хирурга не думать об ответственности, а точнее, загнать мысль о ней в подсознание. Я же не смог бы сделать этого, и мысль о том, что одно моё неосторожное движение станет причиной смерти пациента, и угрызения совести положат конец моему спокойствию, всё время висела бы надо мной, как Дамоклов меч.

И в то же время я не боялся вида крови и мог спокойно смотреть на то, как скальпель режет живую плоть. Если читающий рукопись решит, что это доставляло мне удовольствие, я спешу его опровергнуть. Никаких эмоций, ни положительных, ни отрицательных, я при этом не испытывал. Просто спокойно смотрел. И это моё умение должно было найти применение. Потому в качестве специальности я выбрал анестезиологию.

После обучения я по распределению попал в одну из городских больниц N. ска, где и начался мой долгий и трудный путь от обычного, ничем не примечательного медика, до личности, идеи которой прогремели на всю страну. А точнее, мой путь начался в тот момент, когда я и познакомился с главным и единственным хирургом больницы, звали которого Александр Николаевич Лаврентьев.

Бывают такие знакомства, которые способны перевернуть всю жизнь, так что потом начинаешь думать, а не было бы лучше никогда не встречать этого человека? Так как я был единственным в больнице анестезиологом, а Лаврентьев единственным хирургом, я не мог не встретить его, и потому этот вопрос для меня звучал по-другому: что было бы, если бы Лаврентьев был другим? Если бы Лаврентьев был циником или алкоголиком, если бы он разочаровался в жизни и смотрел на неё в мрачных тонах, стал бы я тем, кем стал? Разум подсказывал мне, что моя жизнь не зависит от того, каковы окружающие меня люди. Но почему-то мне хотелось думать, что я стал полной противоположностью Лаврентьева, и он, хоть и не понял этого, но повлиял на этот процесс, ведь получалось так, что глядя на Лаврентьева, я вдруг увидел самого себя, только совершенно контрастного. Так чёрное видится на белом, а белое на чёрном.

Он был немногим меня старше. А я казался старше своих лет, потому мы выглядели как ровесники. Лицом он был ничем особо не примечателен. Хотя, быть может, мне трудно его описать, потому что я редко видел его без хирургической маски, а если и видел, то никогда не приглядывался к его лицу и не запоминал его. Да мне и ни к чему здесь описывать его внешность, зато на его поведении заострить внимание стоит. Вне операционной он всегда казался мне излишне эмоциональным человеком. При том, что он был довольно закрыт и всё самое сокровенное держал при себе, он отличался тем, что всегда горячо пожимал руку при встрече, говорил доверительным тоном, часто шутил и смеялся, и его смех можно было назвать приятным. По крайней мере, коллектив больницы его очень любил и уважал. Взгляд его был весьма внимателен и участлив, он умел расположить к себе, хоть хирургу того и не требуется. К чужим проблемам он относился как к собственным, и я никогда не сомневался в его искренности. Сотрудники больницы вечно обращались к нему по самым раздражающим мелочам, вроде просьб отдежурить за них или похлопотать за них перед главврачом, с которым он был на короткой ноге. А времена были тяжёлые, и врачам порой не хватало шприцов. И Лаврентьев никогда никому не отказывал.

Лаврентьева можно было назвать настоящим врачом, и не только потому, что он имел диплом, опыт работы и носил белый халат. Он верил в высокую миссию врача, свою работу выполнял с самозабвением. Клятва Гиппократы была для него не простым словосочетанием, и однажды я слышал, как он говорил, что главная задача врача – бороться со смертью.

Примерно тогда я понял ещё одну причину, по которой я не смог бы стать хирургом. Именно в том высказывании Лаврентьева крылось главное моё с ним разногласие, которое

и привело к нашему идейному противостоянию. Вернее, если это можно назвать противостоянием, потому что противостоял только я, а замечал ли его Лаврентьев, для меня до сих пор большой вопрос.

Следует сказать, что Лаврентьеву очень не везло с пациентами. Больница наша не была городской, куда везут всех тяжело больных и остро нуждающихся в медицинской помощи, а была районной, расположенной на окраине, так что нам и доставался весь окраинный контингент со всеми вытекающими последствиями. Значительная часть пациентов, попадающих к Лаврентьеву на операционный стол, были либо ранеными в стычках «братками», либо суицидниками. За жизнь и тех, и других он, естественно, самозабвенно бросался в схватку со смертью и почти всегда побеждал её.

Времена, как я замечал, были тяжёлыми, и состояние общества на окраине было в крайней степени депрессивным. Завод, на котором работало большинство населения, закрылся, и его некогда работающая часть присоединилась к той части, которая и до этого не работала. Как водится, за безработицей последовало цунами криминала, наркомании, проституции, отчаяния и суицидов. Вообще в то время от суицида них были надёжно застрахованы только такие люди, как Лаврентьев и я. Лаврентьев потому, что у него была борьба за жизнь, а я потому, что я ни за что не боролся.

Начитавшись Шекспира, многие думают, что суициды совершают только юные девы да прекрасные юноши в порыве отчаяния неразделённой любви. Так вот, спешу разуверить таких людей. Суициды совершают люди всех возрастов, типов внешности и характеров, и ничего трогательного и умильного в этом нет. Это положение было чуть ли не единственным, в котором наши с Лаврентьевым взгляды на проблему сходились.

Первое время население окраины не накопило опыта в суицидах, и многие попытки совершались неудачно. В смысле, смотря что относительно суицида считать удачным, а что неудачным. С точки зрения Лаврентьева все попытки суицида, после которых человек оставался скорее жив, чем мёртв, и хирургу удалось сделать его ещё живее, считались удачными. С моей – наоборот.

После одной из первых таких операций я спросил его:

– Не кажется ли вам, Александр Николаевич, что мы с вами делаем такое дело, какое от нас с вами явно не ждут?

Лаврентьев вскинул брови и сделал вид, что не понял меня.

– В смысле?

– Эти люди посчитали, что смерть для них предпочтительнее жизни. Следовательно, мы с вами идём против их желания и против их воли принуждаем их к жизни, которой они не хотят.

– Понимаете в чём дело, Фома Никитич...

Я был удовлетворён, заметив, что сбил Лаврентьева с толку, но, как позже оказалось, он просто подбирал слова чтобы точнее объяснить свою мысль, которая для него сама собой разумелась и до того, как я задал ему вопрос, не нуждалась в формулировке.

– Вся загвоздка в том, что это в данный конкретный момент человек решил, что смерть ему предпочтительней жизни. Может быть и такое, что человек глубоко в этом заблуждается, потому что в состоянии отчаяния не видит другого выхода из положения. Через некоторое время он его найдёт и сделает шаги навстречу жизни!

Уверенность, с которой Лаврентьев это говорил, показывала, что мне его не переубедить. Он вообще никогда не сомневался, иначе он не смог бы вести борьбу со смертью, а главное с мыслью, что его борьба не всем нужна.

Я же и не собирался с ней бороться. Принуждать кого-то к жизни представлялось мне пустой тратой времени. Наблюдая за пациентами больницы, я имею в виду теми пациентами,

которые доставались нам с Лаврентьевым, у меня сложилось прочное убеждение в том, что смерть для многих людей выглядит гораздо заманчивее, чем жизнь.

Ладно суицидники. К ним у меня возникало даже некое подобие уважения. Хотя у них и не хватало духу жить, зато у них хватало духу это признать. Гораздо в большее негодование меня приводили те, у кого духу не хватало ни на что.

Могу упомянуть нескольких таких пациентов. Один из них носился в раздолбанных «жигулях» по всему району на бешеной скорости, пока у него не отказали тормоза и он не влетел в остановку. Погибли все, кто на ней находился. Он же сам оказался на операционном столе перед Лаврентьевым и тот несколько часов скрупулезно «боролся за его жизнь». Это была тяжелейшая операция для хирурга. Я не раз замечал, что у него уже все члены начинает сводить судорогой. Медсестра не отнимала от его лба вату, чтобы пот, струившийся по лбу потоком, не заливал глаза. В результате жизнь победила. Только ненадолго. Водитель, оказавшийся без машины и ставший пешеходом, скоро сам попал под колёса, когда с горя напился. Лаврентьев тогда сильно сожалел, что не успел ему ещё раз помочь.

Или другой случай. Один из так называемых «братков» держал дома злющую бойцовскую собаку, которая одна стоила нескольких подельников в тёмных делах. Выгуливал её, как водилось тогда, без намордника. Так что однажды она вцепилась ему в горло. Уж не знаю как, но другие «братки» или же сердобольные соседи, не знаю точно, разжали псине челюсти и привезли пострадавшего в больницу. Эта операция была едва ли не тяжелей той, что описана раньше, потому что все части его трахеи Лаврентьеву пришлось собирать, как пазл. «Жизнь» и на этот раз восторжествовала. Но, лишившись собаки, этот гражданин сделался беззащитным, так что вскоре его самого зарезали в пьяной драке.

А многочисленные «братки», которых Лаврентьев регулярно штопал по двадцать человек в день? Они хотели жить? Сначала я просто сомневался в этом, но затем это переросло в уверенность. Если человек хочет жить, он не станет носиться в состоянии опьянения в ржавой железной коробке, когда на дороге полно людей, которые, в отличие от него, хотят жить. Если человек хочет жить, он не будет ради развлечения размахивать во все стороны ножом или лезть к морде огромной собаки, которая им же и воспитана в злобе и полной неадекватности. А хотят ли жить люди, которые вкалывают в себя яд, разрывающий их изнутри и превращающий их самих в рабов, для которых смерть стала единственным удовольствием? А хотят ли жить люди, которым триста пятьдесят тысяч раз говорили, что водка превращает печень и мозг в гнилую жижу, а сигареты – лёгкие в огромный чёрный камень?

Потому все размышления Лаврентьева о том, что человек поддаётся отчаянию, а потом он одумается, казались мне радужным самообманом. Хотя я, впрочем, и не исключал возможности того, что человек может «одуматься». Все они иногда «одумываются», разворачиваются лицом к жизни и ждут, когда жизнь вновь примет их к себе, как своих блудных сыновей, с распростёртыми объятиями, и сделает здоровыми и счастливыми. Только они довольно быстро понимают, что так просто жизнь не сделает их здоровыми и счастливыми, а для этого нужно трудиться и стараться, либо что уже слишком поздно, так они снова разворачиваются к жизни спиной, а значит, к смерти лицом, и всё продолжается по-старому.

И оказываются они у Лаврентьева на столе, и Лаврентьев вместо них отчаянно борется за их жизни. Казалось бы, после этого можно было «одуматься» окончательно? Но, увы, что-то почти никто не «одумался».

В то же время, придя к таким выводам, я продолжал недоумевать относительно личности самого Лаврентьева. Как он, умный человек, не пришёл к тем же выводам, что и я? А если пришёл, то что тогда? Почему он продолжает эту бесплодную деятельность? Попытки объяснения его поведения стараниями ради получения зарплаты, меня не удовлетворяли. Зарплату мы в те годы иногда получали таблетками и шприцами, которыми нас в идеале должны были снабжать бесплатно. Так что такая вот зарплата могла восприниматься только как намёк в стиле

чёрного юмора, но никак единственная мотивация для работы. Забота о низких показателях смертности, чтобы не отдали под суд? Тоже звучало неубедительно. Показатели тогда вообще никого не интересовали, про них напрочь забыли, потому что во всём городе люди умирали, как мухи, и для того, чтобы оставшиеся в живых окончательно не потеряли сон, умерших точно не подсчитывали. Забота о престиже, авторитете и репутации? Это звучало более убедительно, но всё-таки я мог претендовать на то, что достаточно хорошо изучил Лаврентьева, и особого тщеславия, по крайней мере не сокрытого, я не находил. Оставались только объяснить его поведение его эгоизмом и такими понятиями как исполнение долга, в большинстве случаев являющееся стремлением не дать своей совести поводов для преследования. Но было что-то такое, что объяснить я не мог, и что препятствовало мне списать самоотдачу Лаврентьева исключительно на страх перед совестью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.